АНДРЕЙ КРЫЛОВ

ГДЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ДОРОГИ



современное фэнтези

Андрей Крылов

Где заканчиваются дороги

«Автор»
2026

Крылов А. М.

Где заканчиваются дороги / А. М. Крылов — «Автор», 2026

После исчезновения сестры Никита Грачёв получает в наследство старый атлас. На его страницах отмечены улицы, которых нет ни на одной карте. Одна из них открывается прямо посреди Петербурга — и за считаные минуты выводит его в другой город.Так Никита узнаёт о скрытой сети дорог, соединяющих привычный мир. У этих путей есть цена: за каждый переход тот, кто остался ждать, теряет одно общее воспоминание с путешественником.В поисках сестры Никита отправляется через Вильнюс, Прагу и Стамбул, знакомится с хранителями тайных маршрутов и сталкивается с организацией, превратившей чужую память в товар. Но чем ближе разгадка, тем труднее ответить на вопрос: что он сам однажды согласился забыть?«Где заканчиваются дороги» — приключенческое фэнтези о семье, выборе и дороге домой.

© Крылов А. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение. Люди, которые возвращаются 6
Часть первая. Атлас невозможных дорог 7
Глава 1. Наследство картографа 7
Глава 2. Переулок, которого нет 11
Глава 3. Я буду ждать 15
Глава 4. Восемьсот метров до Вильнюса 20
Глава 5. То, чего не помнят 25
Часть вторая. Люди, которых забыли 29
Глава 6. Лавка потерянных историй 29
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Где заканчиваются дороги

Современное магическое фэнтези

Введение. Люди, которые возвращаются

Арсений Грачёв никогда не называл себя путешественником. По его мнению, путешественник — человек, которому нравится покидать дом. А ему всякий раз нравилось возвращаться.

В его мастерской висели карты, и на каждой оставались незакрашенные места. Посетители считали, что старик не успел закончить работу. Он не спорил. Со временем Арсений вообще научился не спорить с теми, кто полагал, что мир давно измерен до последнего метра.

Внуку Никите он рассказывал о старых дорогах. О тех, что исчезли под новыми зданиями, о тропах, превратившихся в улицы, о мостах, которых нет, но к которым люди по привычке продолжают идти.

— Дорога существует, пока кто-нибудь знает, куда по ней возвращаться, — говорил дед.

Никита принимал эти слова за красивую стариковскую выдумку. Он любил деда, но не верил ни в приметы, ни в судьбу, ни в то, что география способна хранить секреты. Ему нравились точность и бумага: на бумаге ошибку можно стереть, разрыв подклеить, выцветшие чернила восстановить.

Когда дед умер, Никита получил по завещанию мастерскую, несколько коробок инструментов и атлас, которого никогда прежде не видел.

В то время он искал сестру.

И не знал, что две эти вещи связаны.

Часть первая. Атлас невозможных дорог

Глава 1. Наследство картографа

В нотариальной конторе пахло влажной одеждой и дешёвым освежителем воздуха. Никита сидел под портретом человека, которого принял за писателя, пока не заметил табличку с именем местного юриста. За окном трамвай протяжно звякнул на повороте. Ноябрьский Санкт-Петербург торопился темнеть, хотя до вечера оставалось ещё несколько часов.

— Квартира переходит вашей матери, — сказала нотариус, листая бумаги. — Денежные средства распределены в соответствии с приложением. Вам же завещаны вещи из мастерской, включая рукописные картографические материалы. И отдельный предмет.

Она вынула из шкафа плоский свёрток, перевязанный бечёвкой.

— Ваш дед особенно просил передать его лично.

— Он написал это здесь?

— В распоряжении. Не в самом завещании. Посмотрите.

На обороте пожелтевшего листа неровным почерком стояло: «Никите. Открыть тогда, когда захочешь вернуться».

— Странная формулировка, — заметила нотариус.

— У него все формулировки были странными.

Никита произнёс это слишком резко и тут же пожалел. Дед умер шесть недель назад, а он всё ещё разговаривал о нём так, словно тот вот-вот позвонит и попросит принести из магазина хлеба. Окончательность смерти не укладывалась в обыденные фразы.

На улице он не стал вызывать такси. Пошёл пешком, спрятав свёрток под куртку от мелкого дождя. На Невском люди спешили к метро, курьеры лавировали между машинами, из открывшейся двери кафе вылетел запах корицы. Город был совершенно прежним. В этом и заключалась его жестокость: после смерти человека мир не перестраивается под оставшихся.

По дороге Никита снова набрал номер Лизы. Автоматический голос сообщил, что абонент недоступен. Он слушал до конца, хотя знал запись наизусть.

Его сестра исчезла четыре месяца назад. Двадцать семь лет, работа с архивными документами, зелёная куртка, привычка оставлять чашки с недопитым чаем в самых неожиданных местах. Последний раз камера наблюдения сняла её возле старого почтового здания. С тех пор — ни покупок по карте, ни сообщений, ни геолокации. Полиция проверила друзей, коллег, знакомого, с которым Лиза рассталась весной. Результат оказался тем же, что и у всех самостоятельных поисков Никиты: ничего.

В мастерской деда было холодно. Хозяин помещения из жалости не отключал отопление окончательно, но батареи едва теплели. Под потолком висели геодезические линейки; вдоль стен стояли шкафы с картами и рулонами чертежей. На подоконнике лежали очки с треснувшей дужкой. Никита поставил свёрток на стол, снял мокрую куртку и долго смотрел на очки.

Только потом развязал бечёвку.

Внутри лежал атлас размером с тонкую энциклопедию. Тёмно-зелёная обложка была потёрта на углах. Ни названия, ни издательства. На форзаце — четыре строки:

«Не верь расстоянию.

Не покупай чужого ожидания.

Не обещай вернуться тому, кого не готов потерять.

Помни, кто остаётся».

— Очень полезно, дед, — пробормотал Никита. — Особенно первое.

Он открыл середину книги. Там находилась карта Санкт-Петербурга: кварталы, мосты, каналы, аккуратная сеть улиц. На первый взгляд — поздняя копия плана конца девятнадцатого века. Но уже через минуту Никита заметил нелепость. На карте были обозначены некоторые недавно построенные здания. Рядом — разрушенные десятилетия назад дома. Исторические слои, которые грамотный картограф не мог перепутать.

Никита принёс настольную лампу, увеличительное стекло и карандаш. Страницы оказались не обычной типографской бумагой, а плотным полотняным материалом с тончайшим покрытием. Ряд улиц нанесён одним пигментом; другие — более поздней тушью. Красные отметки лежали под обоими слоями.

Между Большой Морской и Гороховой он обнаружил переулок, которого не было. Узкую линию от глухой стены до двора, ныне занятого служебной парковкой.

Никита вырос в Петербурге. Он знал это место: кирпичная кладка, водосточная труба, мусорные контейнеры. Ни дверей, ни ворот. Он даже однажды ждал там Лизу после её вечерней смены.

Внизу страницы дед приписал: «Вход появляется не там, где ищут. А там, где остаются».

Никита сфотографировал лист. Затем открыл карту на телефоне. Узкий просвет между зданиями на секунду отобразился серой полосой, как пешеходная дорожка. Когда он приблизил изображение, полоска исчезла. Он решил, что приложение подгрузило старые данные. Повторил. Снова то же самое.

В мастерской зашумел холодильник. Никита вздрогнул и рассердился на себя.

На обороте страницы оказался небольшой конверт. Внутри лежала почтовая карточка без марки. На лицевой стороне — пожелтевшая фотография каменной лестницы и трёх фонарей. На обороте стояло одно слово: «Вильнюс».

Ниже — Лизин почерк.

«Ник, если дед оставил тебе эту книгу, значит, я не успела объяснить. Прости. Не торопись делать выводы. И пожалуйста, сперва вспомни, как мы прощались».

Никита перечитал записку. Потом ещё раз, медленно, словно слова могли изменить значение.

Они не прощались.

Последним воспоминанием о сестре был их ссорный разговор на кухне. Лиза собиралась куда-то уехать, но не говорила куда. Он обвинил её в безответственности. Она ответила, что он всегда пытается решать за неё. Он хлопнул дверью. Через два дня она исчезла.

Никакого прощания не было.

Никита позвонил матери.

— Мам, Лиза когда-нибудь говорила тебе про дедов атлас?

— Какой атлас?

— Зелёный. С картами.

Ночью Никита долго не мог уйти из мастерской. Он нашёл коробку с дедовыми инструментами: лупу в тяжёлой латунной оправе, два ножа для бумаги, деревянные прижимы, которыми распрямляли покоробленные карты, и крошечные бумажные полоски с датами. Дед работал не быстро. Прежде чем коснуться старого листа, он мог целый час разглядывать край повреждения, пока не понимал, почему бумага порвалась именно здесь. «Не лечи вещь, пока не узнаешь, что с ней случилось», — повторял он. Никита никогда не думал, что этот совет однажды придётся применить к людям.

Он раскрыл атлас на странице с городом, где когда-то родилась мать. Там были дороги, железнодорожные линии, небольшие ручьи. На полях — пятно, похожее на отпечаток чашки. В детстве Лиза старательно превращала подобные пятна в планеты, рисуя вокруг них кольца; дед не сердился, только просил не трогать авторские подписи. Никита увидел здесь её каран-

дашный знак: две короткие черты и смешную кривую стрелку. Знак был обведён чернилами. Дед будто хотел сохранить его от времени.

Он нашёл старый семейный альбом и стал искать ту же стрелку. Фотографии с дачи, бумажные самолётики, велосипеды, новогодние утренники. Между снимками лежала открытка, присланная отцом из командировки. «Если не успею к воскресенью, расскажи Лизе, что я всё равно возвращаюсь», — гласила она. Тогда Никита ненавидел такие фразы. Они оставляли человека свободным не выполнять обещания: ведь можно бесконечно возвращаться и никогда не прийти. Сейчас открытка казалась ему частью чужого разговора, который он не слышал до конца.

В дверях появилась соседка деда, Тамара Матвеевна. Она принесла запасной ключ: нотариус сказал ей, что мастерскую теперь будет открывать внук. Старушка не удивилась свету и раскрытым коробкам.

— Арсений говорил, что ты останешься здесь ночью, — произнесла она.

— Когда говорил?

— Ещё летом. Будто знал, что иначе получится.

Никита спросил, приходила ли Лиза. Тамара задумалась, прижимая к груди пакет с лекарствами.

— Приходила. Сидела у него до темноты, потом плакала у лестницы. Я спросила, всё ли хорошо. Сказала, что они поссорились из-за какой-то карты. А он после её ухода чинил не карту. Дверной замок. Проверял, закрывается ли изнутри.

Никита взглянул на дверь мастерской. Замок выглядел новым, неуместным среди облупленной краски. На внутренней стороне была укреплена вторая щеколда, которой дед при жизни никогда не пользовался. Тамара не знала, зачем он её поставил.

— Он боялся кого-то? — спросил Никита.

— Старики многого боятся. Но твой дед, мне кажется, боялся не того, кто войдёт. Того, кто может уйти.

Когда соседка ушла, Никита ещё долго сидел в тишине. Он осмотрел старую карту через лупу. У стрелки Лизы оказался едва заметный второй слой чернил. Кто-то нарисовал поверх детского знака новую линию, а потом осторожно стёр её влажной губкой. Осталась бороздка на бумаге. Вдоль бороздки шла цепочка точек — не маршрут, скорее последовательность отметок. Никита не стал давать ей название. Он поставил дату в блокноте и сфотографировал повреждение при боковом свете.

За окном последний трамвай прошёл по пустой улице, дребезжа, будто в его вагонах лежали сотни стеклянных бутылок. Никита выключил лампу над столом. На секунду ему показалось, что знакомый город за окном немного сдвинулся: фасады стояли как прежде, но расстояния между ними изменились. Он моргнул, и ощущение исчезло. Возможно, дело было только в усталости. Впервые он не стал сердиться на себя за это объяснение. Даже если мир действительно скрывал чудо, начинать всё равно следовало с проверки.

— У отца было столько карт, что я перестала их различать. Ты поел?

— Поел. Мам, а как она уезжала? Ты помнишь последний день?

На том конце наступила пауза.

— Она взяла куртку. Сказала, что скоро вернётся.

— Кому сказала?

— Мне. Или тебе. Никита, не начинай снова. Мы ведь всё это уже обсуждали.

Он слышал, как мать открыла кран и поставила что-то в раковину.

— Ты уверена, что не было прощания?

— Я помню, как она обняла меня. А потом... — мать замолчала. — Потом, наверное, ушла. Зачем ты спрашиваешь?

— Просто пытаюсь собрать детали.

— Ты уже четыре месяца собираешь детали. Попробуй хоть сегодня лечь спать вовремя.

После звонка Никита снова посмотрел на карточку. На слове «прощались» чернила чуть расплылись, будто лист побывал под дождём. Но обратная сторона была совершенно сухой и чистой. Записку не размывало время; её словно держали мокрыми пальцами.

В 22:56 он запер мастерскую и пошёл к несуществующему переулку.

Никита не рассчитывал найти там сестру. Он хотел убедиться, что дед ошибся, что Лизина записка — плохая шутка, что приложение просто показывает устаревшие данные. Ему требовалось обычное, скучное объяснение.

У стены стояли те же контейнеры. На кирпиче темнели разводы, под лампой висела паутина. Никита обошёл двор, заглянул за трубу, постучал по кладке. Сплошная стена.

Он уже собирался уйти, когда увидел на телефоне время: 23:17.

Звук машин с соседней улицы неожиданно стих.

За стеной кто-то кашлянул.

Никита медленно обернулся. Там, где минуту назад был кирпич, теперь чернел узкий проход. За ним горели жёлтые фонари, хотя ни одного фонарного столба во дворе не стояло.

И пахло не петербургским дождём.

Пахло осенними листьями и горячим хлебом.

Глава 2. Переулок, которого нет

Никита первым делом сделал фотографию. Экран показал привычную кирпичную стену. Он опустил телефон: проход оставался перед ним. Сделал ещё один снимок, на этот раз с включённой вспышкой. На фотографии опять был кирпич.

— Ненадёжный прибор, — сказал кто-то из темноты.

Под фонарём, метрах в двадцати, сидел человек в коричневом пальто. Чемодан стоял у его ног. На скамейке рядом дымилась бумажная чашка.

Никита посмотрел за плечо. Двор был пуст. Свет обычного города проникал в проход, но не освещал ни одного булыжника за ним.

— Что это? — спросил он.

— Переулок. Вы же за ним пришли.

— Я не заходил.

— Пока нет.

Человек отставил чашку. Ему было около семидесяти, но лицо оставалось живым и подвижным. Клетчатый шарф был завязан так тщательно, будто старик собирался на театральную премьеру.

— Меня зовут Семён Петрович, — сказал он. — Я сторожу этот вход. И прежде чем вы спросите: нет, я не призрак, не сторожевой дух и не артист уличного театра. Последнее, к сожалению, приходится объяснять чаще других.

Никита почувствовал, что разговор опасно напоминает сон.

— А где вход?

— У вас за спиной. Вы стоите на его пороге.

— Я стою во дворе.

— Это тоже верно. Дороги редко спорят с географией. Они просто считают её приблизительной.

— Послушайте. Я занимаюсь картами. Я знаю, что между этими зданиями нет улицы.

— Значит, вы очень хороший картограф. А теперь попробуйте быть внимательным человеком.

Семён Петрович показал на мостовую. Между сухими камнями тянулась узкая серебристая линия. Никита провёл по ней взглядом и увидел, что линия уходит под скамейку, затем под фонарь, а дальше теряется во мгле.

— Это разметка? — спросил он.

— Шов. Не наступайте.

— Почему?

— Если хотите длинное объяснение, придётся подождать, пока я допью чай. Если короткое: иногда дорога не знает, с какой стороны вас оставить.

Никита отступил на полшага.

Семён Петрович мягко улыбнулся.

— Не пугайтесь заранее. Прямые пути безопасны, пока человек выполняет правила. Вы наверняка читали записку на форзаце.

— Вы знаете мой атлас?

— Я знал человека, который его рисовал.

Никита вскинул голову.

— Вы знали деда?

— Арсения Грачёва? Знал. Он умел говорить с чернилами лучше, чем с людьми. И был слишком честен для своего дела.

Старик поднялся, взял чемодан за ручку. На нём висела латунная бирка: «Ожидающие».

— Куда вы хотите попасть?

— Во Вильнюс.

— Вы уверены?

— Там моя сестра. Возможно.

Семён Петрович посмотрел на него внимательнее. Добродушие ненадолго исчезло из его лица.

— Возможно — плохое основание для дороги. Кто вас ждёт?

— Никто. Я никому не говорил.

— Тогда вы не пройдёте.

— Я уже стою здесь.

— Вы стоите у входа. Это не одно и то же.

Никита шагнул к скамейке. Старик не преградил ему путь. Он только спросил:

— С кем у вас связано воспоминание о первом велосипеде?

— Что?

— Не отвечайте мне. Просто вспомните. Человек, который придерживал седло, пока вы учились ехать.

Никита увидел отца: летний двор, жёлтый велосипед, ладонь на багажнике. Он удивился, насколько ярко всплыл этот эпизод.

— Теперь представьте, что завтра вы обнаружите фотографию велосипеда и будете знать, что научились ездить. Но вспомнить ладонь на багажнике больше не сможете. А человек, который вас придерживал, забудет этот день полностью. Вы готовы заплатить за восемьсот метров?

— О чём вы говорите?

— О цене. Разумеется, вы можете уйти, и я даже советую вам это сделать. Но если вернётесь, сначала найдите того, кто согласится ждать вас у входа.

Никита машинально посмотрел на часы: 23:19. В переулке не было слышно города. Фонарный свет не освещал его обувь до конца; там, где начиналась серебряная линия, тень обрывалась резко, как вырезанная ножницами.

— Почему именно кто-то должен ждать?

— Потому что дорога — обещание между двумя местами. Одно обещание она забирает, другое сохраняет. Тому, кто идёт, достаётся расстояние. Тому, кто ждёт, — потеря.

Семён Петрович поставил чемодан на скамейку.

— И не думайте хитрить с чужими людьми. Чтобы платить, нужно помнить вас и действительно хотеть вашего возвращения. Наёмные ожидающие существуют, но их жизнь обычно коротка не из-за магии, а из-за людей.

Никита посмотрел в обратную сторону. В проёме виднелась мокрая кирпичная кладка петербургского двора. Мимо прошёл мужчина в наушниках, не поворачивая головы. Для него прохода не было.

— Он нас не видит?

— Он не видит дорогу. Вас увидит, если вы выйдете к нему.

— А фотография?

— Показывает место, где стоял аппарат. Не всякая вещь умеет смотреть на дорогу.

Никита хотел расспросить о Лизе. Назвать её имя, описать лицо, показать снимок. Но внезапно понял, что странный старик может оказаться связан с её исчезновением. Ведь тот прекрасно знает деда. И ждал именно здесь.

— Вы специально сегодня пришли?

Никита остался у границы прохода и прислушался. Трамвайный гул со стороны Петербурга не прекращался полностью, но делался странно далёким, будто стену между улицами обшили плотным войлоком. Откуда-то из глубины доносились шаги. Он видел на мостовой

жёлтые круги фонарного света, а дальше — только поворот и фасады домов, поставленных под неправильными углами. Воздух пах горячей выпечкой, хотя ни одной пекарни рядом не было.

— Вы стоите здесь сколько хотите? — спросил он старика.

— Пока нужен, — ответил Семён Петрович. — Иногда один вечер. Иногда несколько недель. У дороги свой режим, а у меня — собственная жизнь.

— И вам платят?

— За дежурство. Не за ожидание. Это разные вещи.

Старик открыл чемодан и показал лежащую внутри толстую тетрадь. На страницах не было волшебных знаков. Только графы: время открытия, состояние освещения, имя дежурного, отмеченные неполадки. Несколько строк перечёркнуты красным. У одной было написано: «Не входить. Нет подтверждения от выхода». Никита подумал о мостах: прежде чем пустить машины, инспектор должен знать, что противоположный берег не обрушился.

— А если кто-нибудь пойдёт без свидетеля?

— До поворота сможет. Дальше дорога его не примет. Вернётся сюда, если хватит здравого смысла. А если примется искать обходы — может заблудиться среди мест, которых нет. Но не думайте, будто исчезнете от одного неверного шага. Большинство ошибок заканчиваются просто холодом, испугом и испорченной обувью.

Никита улыбнулся невольно. Старик рассказывал о невозможном с практичностью диспетчера пригородного автобуса.

— Вы когда-нибудь ходили?

Семён Петрович опустил глаза на собственные руки.

— Один раз. Очень давно. Ждала сестра. Хотел успеть к матери, пока она была жива. Успел. А когда вернулся, сестра помнила дату смерти, врача, цвет моего пальто. Только не помнила, что мы в тот вечер в последний раз разговаривали с матерью вместе. Я для неё стал человеком, который просто появился уже после похорон.

Он аккуратно закрыл тетрадь.

— Не каждое воспоминание стоит одинаково. Регистр этого не понимает. У него есть правила, и он возьмёт один общий эпизод. А вы потом будете жить с последствиями.

Никита посмотрел на одинокую лавочку. Необъяснимым образом история старика не отталкивала. Напротив, делала всё происходящее возможным для понимания: человек не размахивал руками и не произносил заклинаний, а лишь пытался вовремя увидеть умирающую мать. Цена оказалась страшной именно потому, что причина была обычной.

Он вспомнил Лизу. Она умела находить самых нелепых попутчиков: однажды привела домой незнакомую женщину с собакой, потому что та потеряла документы в дороге. Мать ругалась, Никита проверял телефоны приютов, а Лиза ставила перед гостьей чайник. Он тогда спросил, зачем сестре чужие хлопоты. «Если я не могу помочь, пусть хотя бы человек посидит в тепле», — ответила она.

— Если моя сестра прошла здесь, вы бы её запомнили? — спросил Никита.

— Возможно. Но я не обязан раскрывать журнал незнакомцу. Не спрашивайте у двери того, что нужно спрашивать у человека.

Никита отступил на шаг. Слова прозвучали сурово, но в них была честность: даже тайная дорога не давала ему права на чужую личную историю. Он записал адрес переулка, время и имя дежурного на обороте чека. Старик заметил это и одобрительно кивнул.

— Вернётесь — принесите термос. Здесь вечно сыро, а служебный чай заканчивается раньше чудес.

Никита вышел в обычный двор. Через минуту дворник с ярко-оранжевой лопатой протолкнул мимо него мешок с мусором и проворчал, что молодежь любит стоять на проходе. Эта незначительная грубость неожиданно успокоила. Мир по крайней мере не изменился целиком. Его привычная часть оставалась упрямой и настоящей.

— Я каждый вечер здесь, пока у этой дороги есть свидетель. Вы не первый из семьи Грачёвых, кто задаёт мне вопрос с таким выражением.

— Лиза проходила здесь?

На этот раз старик не улыбнулся.

— Я могу сказать лишь о том, что видел своими глазами. Да, девушка по имени Елизавета Грачёва была у этого входа. Но не тогда, когда вы её потеряли.

— Когда?

— За три дня до этого.

— Она была одна?

Семён Петрович помолчал.

— Нет.

— С кем?

— С вами, Никита Арсеньевич.

Никита резко шагнул вперёд. Серебряный шов скользнул под подошвой. На мгновение всё вокруг словно сместилось на несколько сантиметров: фонарь удвоился, скамейка вытянулась в длинную тёмную полосу. Он потерял равновесие.

Старик схватил его за ворот куртки и потянул назад.

Двор вернулся на место.

— Я предупреждал, — сказал Семён Петрович.

— Это ложь.

— Возможно. Но тогда зачем вы попросили меня не напоминать вам о той встрече?

Никита ничего не ответил.

Старик отпустил куртку, поправил шарф.

— Идите домой. Поспите. Поешьте чего-нибудь, что не продают из автоматов. А завтра спросите у матери, чего она боялась больше всего, когда вы с сестрой были детьми.

— Зачем?

— Потому что до того, как просить человека ждать, полезно узнать, сколько раз он уже это делал.

Семён Петрович вернулся на скамейку. Никита ещё стоял в проходе, когда старик добавил:

— И Никита? Не доверяйте надписям на карте, пока не выясните, кто держал перо.

Никита развернулся и вышел в петербургский двор. Двигатели машин загудели сразу, словно кто-то резко поднял громкость. Он оглянулся.

За спиной была стена.

На кирпиче блестела свежая влажная полоса, узкая и серебристая.

К утру она исчезла.

Глава 3. Я буду ждать

Мать жила на Васильевском острове, в квартире с длинным коридором и кухней, где никогда не выключали радио. Никита приехал к ней утром, не предупредив заранее. За ночь он почти не спал. Дважды возвращался во двор, но проход не появлялся; только мусоровоз приехал за контейнерами, а водитель посмотрел на Никиту так, будто тот собирался их украсть.

Мать открыла в домашнем кардигане и сразу спросила, не заболел ли он.

— Ты красный. И глаза как после ночной смены.

— Мне нужно поговорить о Лизе.

Она отступила, пропуская его в прихожую.

— Сначала руки вымой. У меня суп.

Никита подчинился. Он знал, что мать не выдерживает прямого разговора об исчезновении дочери без простых бытовых действий, которые можно контролировать. Подогреть суп. Вынести мусор. Поставить чайник. Если мир рушится, хотя бы кружки должны стоять на своих местах.

За столом он рассказал о дедовом атласе. Не обо всём. Начал с записки Лизы и старой карты. Мать слушала, глядя на маленькую трещину в столешнице.

— Ты знал, что она была у деда незадолго до исчезновения? — спросил он.

— Она часто к нему ходила.

— А ты знала, что они занимались какими-то дорогами?

— Какими дорогами?

— Необычными.

Мать убрала ложку.

— Никита, я не хочу очередной версии от гадалок или интернет-знатоков. Мне позавчера звонила женщина, уверяла, что видела Лизу в монастыре. До этого кто-то предлагал найти её по фотографии за пятнадцать тысяч. Я больше не могу.

— Я не про это.

— Тогда про что?

Он вынул из рюкзака атлас и положил на стол. Мать мгновенно побледнела. Едва заметно, но Никита успел увидеть.

— Ты узнаёшь его?

— Папин альбом, — сказала она. — Убери.

— Почему?

— Потому что он приносил нам только несчастья.

Никита замер.

— Ты знаешь, что в нём?

Мать устало потерла переносицу.

— Я знаю, что твой дед всегда мог объяснить невероятную вещь так, будто это обычный маршрут автобуса. А потом люди исчезали на месяцы, а нам оставалось ждать. Он обещал мне, что больше этого не будет.

— Чего именно?

— Не заставляй меня.

С минуту оба смотрели на атлас. Радиоведущий за стеной кухни обсуждал ремонт моста. Мир продолжал жить.

Никита заговорил медленнее:

— Вчера я был в переулке, которого нет. Я видел человека, знавшего дедушку. Он сказал, что Лиза проходила там вместе со мной. Но я этого не помню.

Мать закрыла глаза.

— Я боялась, что однажды ты тоже найдёшь вход.

Он почти перестал дышать.

— То есть ты знала?

— Знала, что такие места существуют. Не знаю, где именно. Не умею находить их. И никогда не умела.

— Почему не рассказала полиции?

— Что я должна была сказать? Что моя дочь, возможно, прошла сквозь кирпичную стену? Мы искали её в больницах, на вокзалах, у друзей. Всё, что можно проверить, мы проверили.

Никита обнял обеими ладонями чашку.

— Тогда расскажи мне про отца.

Мать вздрогнула сильнее, чем при виде атласа.

— Причём здесь отец?

— Старик вчера спросил, помню ли я, кто учил меня кататься на велосипеде. Я вспомнил отца. А потом подумал: почему мы все говорим, что он нас бросил, но почти не говорим о нём самом?

— Потому что он ушёл.

— Почему?

— Никита, люди уходят. Иногда никакой великой причины нет.

— Ты веришь в это?

Мать посмотрела на него. В глазах стояла усталость, но больше не было раздражения.

— Я помню, что любила его. Помню свадьбу и нашу первую квартиру. Есть фотографии. Он был хорошим отцом в те годы, когда вы были маленькими. Но однажды я обнаружила, что не могу вспомнить, как мы познакомились. Позже — где провели первый отпуск. Потом... — она отвела взгляд. — Потом мне стало трудно вспомнить, о чём мы смеялись вдвоём. Он рассказывал, а я слушала как чужую историю.

Никита почувствовал холод.

— И после этого он ушёл?

— Не сразу. Он пытался что-то исправить. Ездил куда-то, приносил бумаги. А я начинала бояться, когда он просил меня его подождать.

Слова прозвучали как ответ на вопрос, которого Никита не успел задать.

Он рассказал матери о цене дороги. О свидетеле, который теряет одно общее воспоминание. Она не удивилась. Только опустила голову.

— Значит, всё было именно так, — сказала она. — Отец говорил правду.

— Дед?

— Твой отец. Он говорил, что не делает этого нарочно. Но я думала, что он нашёл какой-то способ оправдать свои отлучки. А потом перестала спрашивать.

Никита долго молчал. Ему хотелось обвинить деда, мать, отца, собственную слепоту. Вместо этого он спросил:

Вера Александровна вынула из буфета старую жестяную коробку из-под печенья. Никита помнил её с детства: когда-то внутри хранились пуговицы, потом Лизины заколки, а последние годы мать никому не разрешала её открывать. Теперь коробка стояла на столе между двумя чашками.

— Не всё, что я забыла, исчезло бесследно, — сказала она. — Сначала я думала, что просто устаю. Потом стала записывать. Не потому, что боялась потерять рассудок. Потому что не хотела обижать людей, которые для меня были важны.

Внутри лежали записные книжки, пронумерованные от руки. В первой стояли короткие строки: «Саша обещал вернуться к воскресенью». «Мы ездили на озеро, дети помнят костёр,

я помню только фотографию». «Спросила, где познакомились; сказал — на мосту. Мне было стыдно, что не узнала нашу историю».

Никита прочёл одну страницу, потом закрыл книжку. Мать не препятствовала. Ей было важно, чтобы он сам решил, сколько способен выдержать.

— Ты показывала это врачу?

— Показывала. Врач проверял память на обычные вещи: числа, слова, имена. С этим всё было хорошо. И я сама понимала, что странно забывать именно дни, когда мы были вместе. Он предлагал искать другое объяснение. Но оно не нашлось.

За окном гудел лифт. В соседней квартире кто-то возился с дрелью. Никите хотелось схватиться за каждый звук, который не требовал объяснений.

— Отец знал, что происходит?

— Знал правило дороги. Но долго не хотел признать, как дорого мы за него платим. Он говорил: один эпизод, Вера, всего лишь один. А я смотрела на фотографии и видела, что у меня осталось множество фактов, только между ними пусто. Мы прожили вместе годы. Представь, что у тебя есть книга, а из неё вынули страницы, на которых люди впервые стали друг другу необходимы.

— Он мог перестать ездить.

— Мог. Иногда переставал. Потом кому-то снова нужна была помощь. Я не хочу оправдывать его. И не хочу делать из него чудовище.

Никита вспомнил, как после ухода отца Лиза пряталась с головой под одеялом, а он уверял её, что взрослые всегда находят причины оставить семью. Он был слишком молод, чтобы замечать: мать не любила, когда об отце говорили в прошедшем времени. Она будто сохраняла место для человека, который однажды всё-таки объяснит свои решения.

Вера открыла третью книжку. На обложке стояло слово «Не возвращать без моего решения».

— Это дед написал?

— Нет. Я. Он хотел собрать мне архив воспоминаний. Обещал, что если дорога когда-нибудь закроется, можно будет вернуть потерянное. А я сказала, что не желаю снова переживать всё сразу. Он удивился. Будто реставратор не понимает, что не всякая повреждённая вещь требует немедленного ремонта.

Никита осторожно положил книжку обратно. Впервые он понял, что исчезнувшие воспоминания принадлежали матери — не ему и не деду, даже если в них жили их общие дни. Его желание вернуть семье прошлое не давало ему права решать за неё.

Когда мать встала за чайником, он заметил на её запястье тонкую светлую полосу от часов. Раньше она носила массивные часы отца. После его ухода перестала. Никита собирался спросить почему, но передумал. Возможно, ответ был прост. Возможно, невыносим. Ему предстояло научиться различать вопросы, которые помогают найти человека, и вопросы, которыми человек пытается облегчить собственную вину.

— Я не обещаю, что смогу всё исправить, — сказал он.

Вера поставила на стол сахарницу.

— И не надо. Только вернись сам. Всё остальное подождёт.

— Лиза когда-нибудь просила тебя ждать у стены?

— Нет. Последний раз она сказала, что должна однажды вернуться туда, где всё началось. И что ты ей поможешь.

— Я?

— Она была уверена. Я решила, вы опять придумали какое-то путешествие. А потом она пропала.

Мать встала, подошла к буфету и достала деревянную коробку. В ней лежали фотографии, открытки, потрёпанные билеты, письма в тонких конвертах.

— Я всё это храню, потому что иначе не смогу доказать себе, что не придумала нашу семью, — сказала она.

Никита открыл рот, но не нашёл ответа.

Мать достала снимок: отец поднимает маленькую Лизу на руки возле больницы. На обороте дата — февраль 2009 года. Девочка выглядела исхудавшей, глаза ввалились. Никита смутно помнил тяжёлую болезнь сестры, но не детали.

— Она тогда могла умереть, — тихо сказала мать. — Нас занесло в маленький город по дороге к родственникам. Метель, трасса закрыта, скорая ехала бы слишком долго. Твой отец куда-то ушёл с Лизой. Через час позвонил из большой городской больницы, за сотни километров. Я решила, что сошла с ума от страха.

— Он воспользовался дорогой.

— Наверное.

— Кто его ждал?

Мать смотрела на фотографию.

— Я.

По её щеке скатилась слеза.

— А знаешь, что самое ужасное? Я помню, что он спас Лизу. Но не помню, как мы встретились после этого. На снимке мы обнимаемся у больницы, а для меня этот день как будто принадлежит другим людям.

Никита закрыл коробку.

— Мам, мне нужно пройти по дороге. Если Лиза там, другого способа найти её нет.

Мать медленно подняла глаза.

— И ты хочешь, чтобы я ждала?

— Я не могу просить тебя об этом после того, что ты рассказала.

— Но всё равно просишь.

— Да.

Она сидела неподвижно. Потом взяла его за руку.

— Договоримся так. Ты ничего не скрываешь. Ни опасности, ни того, что уже знаешь. И если выйдешь, найдёшь способ вернуться обычным поездом. Я больше не хочу ждать людей у стен.

— Обещаю.

Мать сжала его пальцы.

— Это тоже обещание, Никита. Подумай, прежде чем произносить.

Он встретил её взгляд.

— Я вернусь домой. Не знаю когда. Но вернусь.

Она кивнула.

— Тогда я буду ждать.

В тот вечер, когда они подошли к кирпичной стене, мать взяла с собой термос. Увидев проход, она не отшатнулась. Только побледнела и сказала:

— Я всегда думала, что они будут выглядеть красивее.

Семён Петрович встретил их у фонаря, будто никогда не покидал скамейки.

— Вера Александровна, — тихо произнёс он. — Простите, что снова приходится просить.

Мать резко посмотрела на него.

— Мы знакомы?

— Были. Однажды.

Он не стал рассказывать подробности. Никита заметил это и понял, что впервые благодарен незнакомцу за молчание.

Старик объяснил порядок перехода. Мать должна остаться во дворе и искренне ждать, не уходя до закрытия входа. Дорога возьмёт у неё одно общее с сыном воспоминание, заранее неизвестно какое. Вернуть его можно только по квитанции из архива. Никита хотел отказаться, когда услышал последнюю фразу. Но мать остановила его.

— Я выбираю сама, — сказала она. — Не забирай у меня и этого.

Он обнял её. Запах её пальто, тёплый и знакомый, на мгновение показался самым прочным доказательством существования мира.

Никита шагнул в переулок.

Семён Петрович поднял латунную бирку на чемодане и повернул её другой стороной. Там оказалось выгравировано слово «Вильнюс».

— Ступайте прямо, — сказал он. — Не отвечайте, если кто-нибудь зовёт вас именем, которого вы никогда не носили. И не останавливайтесь на середине.

Никита оглянулся. Мать стояла на границе света. Губы её дрожали, но она подняла руку.

— Я здесь, — сказала она.

Он пошёл.

После двадцатого шага петербургский двор исчез за изгибом, которого не должно было существовать.

Глава 4. Восемьсот метров до Вильнюса

Первое, что Никита заметил, — отсутствие ветра. Под подошвами шуршала сухая мостовая. По обе стороны тянулись дома, но их фасады были странными: где-то окна стояли слишком низко, где-то лестницы упирались в кирпич, а за одним освещённым стеклом он увидел кухню, где на столе горел газовый светильник. Никита успел заметить женщину в синем платье, прежде чем окно закрылось деревянной ставней.

Дорога повела его вдоль домов, которым, казалось, было тесно в собственной истории. У одного подъезда висела медная табличка с двумя названиями города, написанными на разных языках. За следующим окном стояла старая швейная машинка, а возле неё современный ноутбук с открытым видеозвонком. Никита увидел на экране женщину в наушниках, разговаривавшую с кем-то из обычного мира. Никакого противоречия жильцы не замечали. Для них тайная улица была просто адресом, куда иногда не доставляли пиццу.

Возле низкой арки стоял мальчик с велосипедом. Он спросил Никиту, не потерялся ли тот. Никита честно ответил, что не знает.

— Тогда иди за жёлтыми лампами, — сказал мальчик. — Если увидишь белую, возвращайся. Там дорога на ремонте.

— Ты тоже по ней ходишь?

— Нет. Мне нельзя без взрослого. И я не хочу платить за то, что могу доехать на трамвае.

Мальчик произнёс это так просто, будто объяснял, почему не пользуется платным мостом. Никита поблагодарил и продолжил путь. Он чувствовал странное облегчение: даже здесь существовали люди, которым чудо казалось слишком неудобным для ежедневной жизни.

У следующего поворота он увидел женщину, стоявшую возле двери с большой сумкой продуктов. Она тихо повторяла: «Я здесь, я здесь». Из темноты к ней вышел мужчина с небольшим чемоданом. Он обнял её, но она не ответила сразу. Несколько секунд женщина смотрела на него растерянно. Потом подняла голову, улыбнулась и спросила, не забыл ли он хлеб. Мужчина потрогал карман пальто и засмеялся. Никита понял, что только что стал свидетелем платы за переход. Женщина, вероятно, потеряла одно общее воспоминание, но всё ещё знала человека перед собой, потому что их отношения состояли не из одного дня.

Никита хотел подойти и спросить, что именно она забыла, но остановился. Для него это была невероятная загадка, для них — личный момент, которому не требовалась публика. Он прошёл мимо и услышал, как чемодан застучал по камням.

Чуть дальше находилась маленькая часовня. Дверь была открыта, внутри горело несколько электрических свечей. На стене висели записки: «Вернись», «Я дождусь до утра», «Не надо идти, если можно остаться». Ни одна не была оформлена как квитанция. Обычные слова, которые люди во все времена произносили у дорог и вокзалов. Никита поставил перед собой вопрос: если магия действительно держится на ожидании, не превратили ли её создатели систему в слишком строгую таблицу, забыв, что живое чувство не похоже на контракт?

Он не нашёл ответа. Зато заметил возле выхода уборщицу, менявшую мешок в мусорной корзине. Она сказала, что люди нередко оставляют здесь письма, надеясь, будто кто-то их прочтёт, но чаще никто не возвращается за ними. По её мнению, лучше всего помогает обычный телефонный звонок. Никита рассмеялся, и женщина улыбнулась в ответ.

Когда он снова вышел на дорогу, жёлтые лампы тянулись к следующему повороту. Там уже слышался звон настоящего трамвая, хотя до Вильнюса, если верить атласу, оставались сотни километров обычного пути. Никита ощутил восторг и страх одновременно. Но теперь к ним прибавилось уважение. Это чудо не было свободным развлечением. Его каждый день поддерживали чьи-то обещания, ошибки, осторожность и желание вернуться.

Путь не ощущался короче обычной улицы. Восемьсот метров до Вильнюса — так обещал указатель. Он прикинул расстояние шагами и насчитал около двухсот, когда над головой раздался поездной гудок. Дорога слегка дрогнула.

За ближайшим поворотом появилась другая мостовая, тёмная от дождя. Вдалеке звонили колокола. Над крышами поднимался шпиль, который Никита узнал по фотографиям Лизы из поездки три года назад.

Вильнюс.

Он вышел под каменную арку. На стене висела обычная табличка с литовским названием улицы. Телефон сразу подключился к местной сети. Карта показала, что он находится неподалёку от старого города. Никита посмотрел на время: 23:25. В Петербурге прошло восемь минут. Никакой задержки часового пояса он не почувствовал — устройство само изменило отображение.

Он сел на ступеньку и рассмеялся. Сухо, почти испуганно. Мир, который он знал, не выдержал проверку, и главное, что удивляло Никиту, — как быстро разум нашёл место для невозможного рядом с обычными мыслями. Где купить воду? Работает ли здесь роуминг? Как объяснить пограничникам, что паспорта в обычном порядке никто не проверял?

— Первый раз всегда так, — сказала женщина за спиной. — Люди сначала ищут сеть. Потом выход. Потом туалет. Почти никто не спрашивает, живы ли они.

Никита обернулся. У арки стояла рыжеволосая женщина в чёрном пальто и с серым дорожным рюкзаком. Лет тридцати трёх. На ботинках — свежая грязь; в руке — бумажный пакет с булочками.

— Вы тоже пришли оттуда?

— Откуда конкретно?

— Из Петербурга.

— Нет. Но я знаю, где вы вышли. Это плохой выход для новичков. Бюро наблюдает за ним чаще, чем за другими.

— Какое Бюро?

Женщина устало вздохнула.

— Вы настоящий новичок. Это неудобно. Мне только что выдали поручение разыскать человека из семьи Грачёвых, а я надеялась, что он хотя бы понимает, как не дать себя арестовать.

Никита поднялся.

— Кто вы?

— Мира Полянская. Проводница, пока не выгнали. Теперь занимаюсь тем, что не запрещено и плохо оплачивается.

— Откуда вы знаете мою фамилию?

— Ваш дед знал моего брата. А ваша сестра искала и меня.

Никита сделал шаг к ней.

— Вы видели Лизу?

— Да. Но не здесь. И не вчера.

Она бросила взгляд за его спину.

— Сейчас лучше отойти. Те двое возле кафе слишком долго делают вид, что выбирают напитки.

Никита обернулся. На другой стороне улицы стояли мужчины в одинаково тёмных куртках. Один держал телефон на уровне груди, будто снимал витрину. Второй медленно поворачивал голову, изучая прохожих.

— Кто они?

— Люди Сафонова. Не обязательно опасные. Но они любят сначала забирать документы, а потом объяснять правила.

Мира взяла его за рукав.

— Если хотите узнать о сестре, идём. Если предпочитаете доказывать кому-то правоту, можете остаться. Только не называйте вслух слово «дорога».

Никита колебался секунду. Затем пошёл за ней.

Они пересекли небольшой двор, миновали вывеску книжной лавки и вышли к узкому проходу, пахнущему кофе и влажным камнем. Мира шла быстро, не оглядываясь, но по тому, как она выбирала повороты, Никита понял: маршрут был отработан.

— Вы сказали, что сестра искала вас. Зачем?

— Она хотела найти человека, способного открыть старые квитанции. Я сказала, что такого человека почти не осталось.

— Почему «почти»?

— Потому что был ваш дед.

На узкой улице за поворотом Никита впервые увидел местных путешественников, которые ничем не напоминали хранителей тайной магии. Женщина в спортивной куртке тащила складную тележку с коробками. Рядом шёл мальчик, возмущённо объясняя, что ему не хочется учить два языка одновременно. Пожилой мужчина стоял у разрисованной двери и читал газету. Кто-то на дальнем конце мостовой яростно спорил по телефону о пропавшем чемодане. От обычной улицы место отличалось лишь тем, что никто не удивлялся соседству вывесок на разных языках и отсутствию ветра.

Мира предложила Никите остановиться у закрытого киоска. На его металлической стенке висело объявление: «Путешественники обязаны сообщать о повреждениях дороги немедленно. Никто не имеет права требовать у ожидающих дополнительные воспоминания». Под объявлением шариковой ручкой было выведено: «Спросите у моего сына, сколько ему теперь лет».

— Это оставила женщина, которой Бюро не отдало квитанцию, — объяснила Мира. — Она ждала сына на одном маршруте, а потом узнала, что её плату используют для другого. Дорога осталась открытой после окончания поездки. Сын вырос, а она помнит его школьником.

— Как это возможно, если она потеряла один эпизод?

— Она заплатила несколько раз. Не все переходы были оформлены с её согласия. Иногда обещание продолжают использовать, пока человек не отзовёт его. А если дорогу закрепили квитанцией, бумага становится ценнее воли.

Никита перечитал надпись. Ему хотелось сразу сказать, что такой порядок незаконен. Но здесь он не знал даже, к какому суду можно обратиться. Существовали подписи, счета, полицейские участки и закрытые от обычных людей арки. За ними скрывалась жизнь, которую нельзя было объяснить одним протоколом.

Мира отвела его на маленький двор с колодцем, где путешественники отмечали своё прибытие у механического табло. Оно не светилось и не звенело. Нужно было повернуть латунную ручку и дождаться, пока в окошке появится имя выхода. Мира показала, как читать условные обозначения: серый круг — путь свободен, жёлтый — задержка, красный — вход временно закрыт.

— Почему здесь всё такое старомодное? — спросил Никита.

— Потому что в узле может не работать связь. И потому что большую часть оборудования меняют не те, кто верит в чудеса, а пожилые электрики. Им нужно знать, какую гайку затянуть.

Он засмеялся впервые со вчерашнего дня. Смех получился коротким, но настоящим.

Мира тоже улыбнулась, а затем показала на дверь, которую едва можно было отличить от стены.

— Здесь раньше была семейная дорога. Две сестры поддерживали её почти сорок лет. Когда одна умерла, вторая решила вернуть их общий вечер на берегу. Путь закрыли заранее, всё сделали правильно. Но последнюю квитанцию никто не смог найти. Теперь дверь иногда

открывается на несколько сантиметров и сразу гаснет. В эту щель никто не ходит. Не потому, что страшно, а потому, что мы не умеем гарантировать выход.

Никита заметил в замочной скважине маленькую серебристую нитку. Он хотел дотронуться, но Мира остановила его.

— Не всё, что доступно, безопасно проверять пальцем.

Эта короткая экскурсия изменила его представление о магии. Она была не царством свободных желаний, а сетью мест, созданных человеческими обещаниями и поддерживаемых обычной работой. У каждого чуда существовали обслуживающие его люди. И те, кто пользовался чудом, слишком легко переставали видеть их.

Они остановились у закрытой двери антикварного магазина. Мира постучала не в дверь, а по медной полосе сбоку: два коротких удара, один длинный, ещё два коротких. Через мгновение щёлкнул замок.

Внутри пахло бумагой, пылью и сандаловым деревом. Стеллажи уходили в глубину помещения; на них стояли сотни коробок, одинаковых на вид, но подписанных различными почерками.

Из-за прилавка поднялся полный мужчина в жилете.

— Мира, я просил не приводить их к себе.

— Это Грачёв.

Мужчина замолчал. Снял очки.

— Который из них?

— Никита.

Лицо хозяина лавки медленно изменилось.

— Значит, теперь действительно началось.

Никита устал от этой фразы, хотя слышал её впервые. Ему надоело, что чужие люди знают сюжет его жизни, а он сам в нём лишь запоздалый посетитель.

— Что началось? — резко спросил он. — И где моя сестра?

Мужчина посмотрел на Миру.

— Он ещё ничего не знает?

— Ничего важного.

Хозяин лавки медленно обошёл прилавок.

— Меня зовут Юлиус. Я храню то, что люди сами согласились оставить. Иногда они потом возвращаются. И если это происходит, день обычно очень плохой.

Он подошёл к дальнему шкафу, открыл один из ящиков и достал крошечную бумажную полоску. Текст на ней напоминал чек из старого кассового аппарата.

— У любого перехода есть свидетель и запись о плате, — сказал Юлиус. — Вот такая.

Никита наклонился. На полоске значились дата, два условных номера и краткая запись: «Потеря: общий эпизод. Автобусная остановка. Сентябрь 1998».

— Это чья-то память?

— Не сама память, — поправил Юлиус. — Право на её возвращение. Дорога хранит след. Бумага показывает, где его искать. Если свидетель согласится получить подлинную квитанцию, часть дороги лишится опоры.

— А если её украдут?

— Тогда тот, кто украл, может торговать доступом. Не возвращать память без владельца, нет. Но шантажировать возможностью уничтожить след — вполне.

Мира скрестила руки.

— Именно этим занимается Бюро.

Юлиус не стал возражать.

— Ваш дед собирал доказательства, — сказал он Никите. — А Лиза пришла, чтобы продолжить. Она оставила поручение: если вы появитесь в Вильнюсе, передать вам одну вещь.

Он достал из кармана небольшой ключ с синей эмалированной головкой.

— От чего?

— От ячейки на вокзале. Обычном, железнодорожном. Видите? Иногда легче спрятать что-то в мире, где нет волшебства.

Никита взял ключ. На металлической бирке было выгравировано число 17.

— Она жива?

Юлиус посмотрел на него с неожиданной жалостью.

— Когда я видел её, была жива. Больше обещать не могу.

За дверью раздался резкий стук.

Мира потянулась к выключателю.

— Свет. Сейчас.

Но Юлиус уже отступил от прилавка. Сквозь стеклянную вставку двери мелькнула тёмная фигура.

— Открывайте, — громко произнёс мужской голос. — Проверка регистрационной книги. Бюро обратных адресов.

Никита сжал ключ в ладони.

— Где чёрный ход?

Мира улыбнулась впервые за вечер.

— Наконец-то хороший вопрос.

Глава 5. То, чего не помнят

Выход оказался не дверью, а маленькой лестницей, ведущей из кладовой к внутреннему двору. Юлиус отвёл в сторону несколько коробок, открыл деревянный люк и показал вниз. Никита полез первым. Лестница дрожала под ногами. Где-то наверху Бюро продолжало требовать открыть магазин.

Они вышли во двор, где пахло мокрым углём и свежей выпечкой. Мира сразу направилась к главной улице. Никита догнал её у арки.

— Почему мы убегаем? — спросил он. — Я ничего не нарушил.

— Вы пересекли государственную границу без отметки в паспорте, — сказала она. — Но Бюро, к счастью, не пограничная служба. Им нужны не законы, а ваш атлас.

— Откуда они знают, что он у меня?

— Потому что ваши родственники слишком известны среди людей, которые ищут пути между городами.

Никита хотел потребовать разъяснений, но в кармане завибрировал телефон. Мать.

— Никит, — сказала она, как только он ответил. — Ты дошёл?

— Да. Я во Вильнюсе.

Она долго не отвечала.

— Это... хорошо. А ты когда вернёшься?

— Пока не знаю. Мам, ты как?

— Нормально. Только странное чувство. Я словно хотела что-то тебе рассказать, а не помню что.

Никита остановился под фонарём.

— Что последнее помнишь?

— Как мы с тобой сегодня ели суп. Потом пошли к какому-то двору. Ты меня обнял. Я помню, что обещала ждать, но не помню, о чём мы говорили, пока собирались.

— Мам...

— А ещё, Никита, я нашла фотографию. Там ты маленький, мы с тобой на катке. Я знаю, что это я. Но совсем не помню тот день. Он мог исчезнуть раньше? Или сейчас? Я даже не знаю, что потеряла.

У Никиты свело горло. Никакого торжественного волшебства, никакой яркой вспышки. Просто мать по ту сторону телефона потеряла кусочек жизни. Не обязательно самый важный. Но свой.

— Я всё проверю, — сказал он.

— Не надо обещать то, чего не знаешь. Просто возвращайся.

После звонка Никита ещё минуту стоял под фонарём. Мира молчала рядом.

— У вас есть семья? — спросил он наконец.

— Брат, — ответила она. — По документам. По памяти — иногда незнакомец.

— Что это значит?

— Он пользовался дорогами годами. Я ждала. Мы были близки. Кажется. Теперь у меня есть фотографии двух детей, которые всюду ездили вместе, строили шалаши, дрались из-за книг. Я не помню почти ничего из этого. Иногда смотрю на снимки и думаю, что изображены счастливые чужие люди.

— Почему он не перестал?

— Потому что каждый раз было важное дело. Спасти кого-то. Доставить лекарство. Успеть на похороны. Мы всегда находили достойное оправдание. А потом я перестала помнить, почему должна его ждать, и он перестал возвращаться ко мне.

Никита посмотрел на тёмные окна города.

— Это чудовищно.

— Это средство передвижения. Чудовищными бывают люди, которые скрывают стоимость билета.

Они дошли до железнодорожного вокзала ближе к полуночи. В зале ожидания работал маленький киоск, уборщица протирала пол, на табло сменялись названия настоящих городов. Эта обыденность успокоила Никиту сильнее любого заверения Миры.

За стойкой маленького кафе Мира купила ему тарелку горячего супа и села напротив так, чтобы видеть вход. Никита пытался восстановить весь день по порядку. Когда он уходил из Петербурга, мать стояла у стены в своём тёмном пальто, хотя обещала переодеться дома. Он запомнил рукав, поднятую ладонь, дрожь в её голосе. Теперь, если дорога действительно получила плату, у неё не было одного совместного эпизода. Какого именно — он пока не знал.

— Вы ходите так часто? — спросил он Миру.

— Реже, чем раньше.

— Кто вас ждёт?

Она помолчала, отодвинув чашку.

— Иногда люди, которые не знают настоящей цены. Это было до того, как я ушла из диспетчерской. Иногда близкие. Раньше ждал брат. Потом перестал. Теперь стараюсь пользоваться обычными поездами.

Никита хотел спросить, где брат. Но на лице Миры появилось выражение, знакомое ему по матери: человек не отказывается отвечать, просто знает, какой ценой обойдётся ответ.

В кафе вошёл молодой курьер. Он поставил у прилавка картонную коробку, потрогал пальцами висок и несколько секунд смотрел на телефон. Затем позвонил кому-то и громко сказал: «Мам, а мы в прошлом году были в Калининграде? У меня фотография есть, а я не помню, зачем ездили». Никита ощутил почти физический удар. Таких людей на дорогах были десятки; для них потерянная память не была сюжетной загадкой, за которую когда-нибудь получишь награду. Это становилось устройством жизни.

Мира достала из сумки тонкую папку. В ней лежали копии нескольких отказов в возврате квитанций. На одном было указано: «Долг по хранению». На другом: «Необходимость обеспечения безопасности транспортного узла». Третье заявление оставалось без ответа семь лет. Все формулировки выглядели законно, пока не вспоминалось, что речь идёт о чужих семейных днях.

— Я работала с такими бумагами, — сказала она. — Оформляла переходы, объясняла людям, что одна потеря — небольшая цена. Когда поняла, что они подписывают, стало трудно смотреть им в глаза. Потом исчез Илья. Тогда я начала разбирать каждый договор по слову. Оказалось, наши правила совсем не те, что написаны в первом учебнике проводника.

Никита внимательно прочитал заявление. Внизу стояла печать юридического лица, зарегистрированного как логистическая фирма. Он спросил, можно ли доказать принуждение к заключению договора без рассказов о магии.

— Бывает, — ответила Мира. — Обман, незаконное удержание документов, вымогательство. Но нужен живой свидетель и исходная квитанция. Поэтому Бюро их так ревниво хранит.

За стеклом трамвай повернул на узкую площадь. Никита смотрел, как обычные прохожие переходят дорогу на зелёный свет, и думал, что оба мира не отделены друг от друга стеной. Между ними находились только незаметные обязанности. Нельзя пройти, не попросив кого-то ждать. Нельзя хранить чью-то память и считать её собственностью. Нельзя спасать одного человека, не замечая второго, который остаётся у двери.

Никита достал телефон и написал матери: «Я добрался. Сейчас в Вильнюсе. Не волнуйся, пожалуйста». Он хотел добавить, что скоро вернётся, но не стал. Сначала следовало узнать, насколько длинная дорога ждёт его впереди.

Камера хранения располагалась в конце коридора. Ячейка 17 открылась с трудом. Внутри лежали конверт, флеш-накопитель и шарф Лизы — зелёный, с торчащей ниткой на конце. Никита узнавал его безошибочно. Когда-то он подарил этот шарф сестре на Новый год. Она смеялась, что цвет делает её похожей на хвойное дерево.

Он прижал ткань к лицу. Пахло пылью и чужим вокзалом.

В конверте был лист, вырванный из блокнота.

«Ник, если ты здесь, значит, дед сделал своё дело, а ты — своё. Не пугайся, если некоторые люди будут говорить, что ты уже участвовал в моём плане. Это не доказательство, что они правы. Но и не доказательство обратного. Проверяй всё. Особенно даты. Ты лучше меня умеешь читать исправления на бумаге».

Никита сел на лавку. Почерк Лизы был знакомым: быстрые неровные буквы, некоторые слова будто хотели убежать вперёд строки.

Ниже шли три адреса. Один в Праге, другой в Стамбуле. Третий был перечёркнут. Рядом Лиза приписала: «Сначала найди того, кто держит книгу возвращений».

Мира прочитала через его плечо и тихо выругалась.

— Что?

— Книга возвращений хранится у Сафонова. И он не показывает её людям просто по просьбе.

— А адреса?

— Прага — старый вокзал. Это возможно. Стамбул сложнее. Но сначала вам надо научиться отличать дорогу от приманки.

Никита посмотрел на накопитель.

— Здесь может быть её голос.

Они нашли свободную розетку у кафе. Никита подключил флешку через адаптер к телефону. На накопителе оказался один аудиофайл и каталог со сканами. Аудио называлось «НЕ СЛУШАЙ ОДИН».

— Похоже на её стиль, — сказал Никита.

Мира уселась рядом.

Запись началась шумом поезда. Затем раздался голос Лизы, немного осипший, но живой:

— Ник, привет. Если слушаешь, значит, Вильнюс ты нашёл. Уже хорошо. Пожалуйста, не считай себя виноватым, что не помнишь нашу последнюю встречу. У тебя есть причина. Очень серьёзная. Я не могу объяснить её сейчас, потому что не знаю, кто будет рядом, когда ты включишь файл.

Послышался кашель. Далёкий дверной хлопок.

— Посмотри сканы. На некоторых страницах дед рисовал красным поверх уже нанесённой карты, на других — под основной линией. Это две разные системы пометок. Красная не показывает короткий путь. Ник, ты обязательно это увидишь. Только не пытайся сразу найти меня. Сначала найди документы о том, что произошло в феврале две тысячи девятого. И не позволяй им убедить тебя, что отец просто ушёл.

Никита сжал шарф.

— Ещё одно. Если рядом Мира — не сердись на неё за то, что она знает больше, чем говорит. У неё тоже есть человек, которого она хочет вернуть.

Мира резко отвернулась.

Лиза продолжила тише:

— Я очень надеюсь, что это сработает. Я знаю, что ты ненавидишь загадки, придуманные ради загадок. Прости, что оставляю одну тебе. И, Ник... когда будешь думать, кому доверять, вспомни, чему дед учил тебя в мастерской: старую бумагу не исправляют новой краской. Сначала нужно понять, что лежит под ней.

Запись оборвалась.

Никита посмотрел на Миру.

— Она знала, что мы встретимся.

— Допускала.

— Знала и про моего отца.

— По-видимому.

— И тебя назвала по имени.

Мира выдохнула.

— Да. Мы знакомы. Встречались три раза. В последний раз она попросила меня не искать её, пока сюда не придёте вы.

— Почему ты не сказала сразу?

— Потому что обещание, данное человеку, который рискует жизнью, не обнуляется из-за вашего плохого настроения.

Он рассердился. Хотел уйти один, потребовать от неё признаний, объявить, что больше никому не позволит распоряжаться собой. Но затем вспомнил мать, добровольно стоявшую у стены.

— Я не хочу, чтобы за мои решения снова платили близкие, — сказал он.

Мира посмотрела на него без насмешки.

— Тогда начните принимать решения, зная их цену.

На табло над ними объявили прибытие обычного ночного поезда. Люди поднялись с лавок, взяли чемоданы, пошли к платформам. Никита смотрел на них с тихой завистью. У них были билеты, расписания, понятные задержки и конечные станции. Никто не забывал день рождения дочери ради нескольких часов пути.

Он открыл сканы. На первом изображении был реестр квитанций с датой четыре месяца назад. Рядом с записью о переходе Елизаветы Грачёвой стояло имя свидетеля.

«Никита Грачёв».

А в графе «Утраченный эпизод» — две строчки:

«Разговор на кухне. Решение о совместной операции».

Никита перечитал запись и понял, что впервые за четыре месяца почувствовал не только страх за сестру.

Он почувствовал надежду.

Если это правда, значит, он не бросил Лизу и не потерял её случайно. Он помог ей уйти.

Но надежда продержалась недолго.

На втором скане тот же реестр был исправлен. Красные чернила пересекали его фамилию, а рядом стояла другая помета:

«Свидетель не уведомлён о полной стоимости».

Часть вторая. Люди, которых забыли

Глава 6. Лавка потерянных историй

Утро началось с трамвайного звонка, похожего на петербургский, и с запаха свежеиспечённого хлеба. Никита открыл глаза в маленьком гостевом номере над лавкой Юлиуса и несколько секунд не мог понять, в каком городе находится. Потом увидел на стуле зелёный шарф Лизы и вспомнил.

Мира сидела у окна с чашкой кофе. Её рюкзак стоял у двери, полностью собранный.

— Мы уходим через сорок минут, — сказала она.

— Я ещё не решил, что с вами путешествую.

— Это и хорошо. Доверчивых людей приходится хоронить чаще.

Никита потянулся за телефоном. Сообщений от матери не было. Он написал коротко, что здоров, нашёл важную зацепку и постарается вернуться обычным способом. Ответ пришёл через минуту: «Суп остался. Заморозила. Не пропадай».

Эта обыкновенная забота уколола сильнее вчерашнего разговора.

Внизу Юлиус распаковывал коробку старых дорожных указателей. На каждом название города было написано сразу на нескольких языках; некоторые буквы словно смещались, если смотреть на них под углом.

— Мира сказала, вы хотите увидеть квитанцию без владельца, — произнёс он, не поднимая головы.

— Хочу понять, почему на документе сказано, что мне не сообщили полную стоимость.

Юлиус вытер руки полотенцем.

— Иногда свидетель понимает, что потеряет воспоминание, но не знает, какое именно. Это допустимо только при добровольном согласии. А полная стоимость — не только сам эпизод. Может исчезнуть связанное с ним доверие, привычка, понимание причины поступка. Человек сохраняет факты, но факты без чувств часто оказываются бессильны.

— Значит, я мог согласиться забыть разговор с сестрой и не понимать, что после этого перестану верить ей?

— Именно. Память — не картотека. Вынимаешь одну карточку, а окружающие документы перестают объяснять друг друга.

Никита помолчал.

— Могу я вернуть её?

— Если подлинная квитанция существует, и если она принадлежит вам как свидетелю. Но сначала найдите запись о самой дороге. Без неё вам подсунут чужой листок, и вы даже не поймёте, что купили.

Юлиус повёл их в подсобное помещение. Там стоял старый деревянный шкаф с сотнями узких ящиков. На дверце не было замка. Вместо него — маленькая табличка: «Чужого не брать».

— В мире без дорог это звучало бы как просьба, — пояснил Юлиус. — Здесь это предупреждение. Подлинная квитанция отзывается только владельцу. Красть её бесполезно, но уничтожать — легко.

Он выдвинул ящик и достал узкую бумажную ленту. На ней значилась дата двадцатилетней давности и два имени. Юлиус передал её Мире.

Та внезапно села на табурет. Руки задрожали.

— Что вы сделали? — спросил Никита.

— Показал её квитанцию. Не отдал, — спокойно ответил хозяин. — Это часть старой дороги, которая ещё используется. Возвращать воспоминание без подготовки опасно для десятков людей в пути.

Мира смотрела на бумагу. Глаза её наполнились слезами.

До открытия лавки оставалось ещё двадцать минут. Юлиус провёл Никиту за узкую перегородку, где хранились ящики с письмами и расписками. На стене висели фотография кирпичного моста и старый календарь, открытый на месяце, который давно прошёл. Обычный беспорядок книжного склада, если не считать низкой полки, закрытой медной сеткой. Под ней стояли прозрачные конверты, каждый с бумажной биркой.

— Почему вы доверяете мне? — спросил Никита.

— Пока не доверяю. Но вашему деду доверял. Это не наследуется, как квартира. Так что смотрите, но не трогайте.

В одном конверте лежала квитанция женщины, которая три года назад согласилась ждать мужа у двери в Белостоке. На корешке значилось, что муж вернулся. Но квитанцию не отдали: Бюро заявило, будто она обеспечивает резервный путь. Женщина могла читать ежедневные сообщения супруга, помнить совместный адрес, узнавать лицо на фотографии. Однако день, когда он сделал ей предложение, остался пустым. Она собиралась вернуть воспоминание, но каждый месяц получала новый счёт за «техническое сопровождение».

— Я думал, квитанция — просто запись, — сказал Никита.

— Это запись, с которой дорога ещё связана. Не бумага создаёт чувство. Бумага его держит. И если вы заберёте её, пока кто-то в пути, дорога ослабнет. Вот удобная правда, которой Бюро прикрывает неудобную: большинство этих людей уже никого не держат. Их воспоминания используются потому, что можно использовать.

Юлиус показал таблицу на компьютере. Даты. Номера маршрутов. Состояние исходных документов. Никита заметил, что некоторые маршруты существовали только в бухгалтерских записях, а квитанции числились исправными. За техническим жаргоном скрывался бизнес — не тайные ритуалы, а привычная коррупция, которой просто достался необычный предмет сделки.

— Вы могли бы передать это журналистам, — сказал он.

— Передавал. Получалась забавная колонка о сумасшедших транспортниках. Дальше не шло. И никто не обязан верить в магию по моему слову. Нужны обычные преступления, за которые можно предъявить обычное обвинение. Потому Лиза искала платёжные ведомости и людей, а не красивые легенды.

Никита подумал о сестре. Она действительно всегда собирала материал по несколько источников. Даже семейные споры пыталась разрешать, ставя на стол два списка: «что мы точно знаем» и «что каждый из нас думает». Он раздражался на эту педантичность. Теперь был благодарен ей за привычку отделять доказанное от желанного.

Юлиус вернул конверты на место и выключил свет над полкой.

— У вашего деда была ошибка, — сказал он. — Он построил прекрасную схему учёта и решил, что сам по себе учёт честен. Но в таблицу можно внести любое правило. А потом показать человеку печать и сказать: так заведено. Арсений понял это поздно. Лиза — раньше, чем многие из нас.

Никита не стал спрашивать, можно ли восстановить всё сразу. Впервые за последние дни он увидел, как долго придётся исправлять систему, даже если найдётся сестра. Нужно будет собрать квитанции, проверить владельцев, вывести людей из переходов, вернуть право решать тем, кто в своё время согласился ждать. Чудесная дверь решала проблему расстояния. Остальное по-прежнему требовало терпения.

— Я не помню, — прошептала она. — Но знаю, что должна помнить.

Никита впервые увидел, что у неё за холодным остроумием скрывалась не просто обида. Боль была старая, знакомая и всё ещё не имела названия.

Юлиус убрал квитанцию.

— Вот почему Лиза пришла ко мне, — сказал он. — Она не хотела просто вернуть семье отдельные воспоминания. Она искала способ освободить дороги от шантажа. Но для этого надо заранее вывести с них людей и восстановить учёт. Иначе, закрывая один путь, можно оставить путешественника между городами.

— Как долго человек может быть между городами?

— Пока путь держится. После разрыва неизвестно. Я бы не проверял.

Никита развернул атлас на прилавке. Он долго рассматривал красные метки. Тонкие линии местами пересекали границы листов, но не соединяли населённые пункты. Теперь он видел то, чего не замечал: красные отметки сходились не у поворотов, а у мест, где, по историческим сведениям, находились старые почтовые дома, архивы, больницы, вокзальные камеры хранения.

— Это не дороги, — сказал он.

Юлиус поднял голову.

— Что?

— Дед рисовал два слоя. Чёрные линии — маршруты. Красные — места, где когда-то хранили квитанции. Смотрите: здесь красный знак лежит под более поздним планом, значит, архив существовал раньше самой дороги.

Мира придвинулась.

— Вы уверены?

— Пока нет. Но я могу проверить по бумаге. Здесь разные чернила, разная последовательность нанесения. Если дать мне несколько часов...

В дверь лавки постучали.

Три раза.

Перед тем как запереть лавку, Юлиус предложил Никите пройти за ним в соседнее помещение. Там не было полок с квитанциями — только длинный деревянный стол и несколько старых чемоданов. На стене висела фотография заснеженной дороги. Под ней стояла маленькая табличка: «Больше не открывать без согласия владельцев».

— Это тоже архив? — спросил Никита.

— Скорее мастерская, в которой люди учатся расставаться с чужим, — ответил Юлиус.

Он достал из одного чемодана зелёный детский шарф. На бирке было вышито имя «Анечка». Когда-то этот шарф принадлежал девочке, чей отец пользовался дорогами. Мать оставалась ждать и потеряла память о дне, когда дочь впервые пошла в школу. Девочка выросла, а мать продолжала считать шарф чужой вещью, которую почему-то не может выбросить. Юлиус нашёл её квитанцию, но не стал возвращать сразу. Сначала объяснил, что именно может произойти с дорогой, а затем спросил женщину, хочет ли она вспоминать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.